

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИНСКОГО БЕЛОРУССКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕХНИКУМА В 1920-е гг. СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ

Казак Олег Геннадьевич

кандидат исторических наук, преподаватель

Минского городского педагогического колледжа, г. Минск

e-mail: olegkazak90@tut.by

В статье рассматривается малоизученная в белорусской историографии проблема подготовки педагогических кадров среднего звена в Минске в 1920-е гг. Проанализированы впервые введенные в научный оборот материалы Национального архива Республики Беларусь, мемуарная литература. Цель статьи – выявление на основе впервые введенных в научный оборот документов существенных характеристик деятельности Минского Белорусского педагогического техникума в контексте общественно-политической, социально-экономической, национально-культурной жизни БССР 1920-х гг. В работе были использованы следующие методы: историко-генетический (рассмотрены особенности функционирования техникума на различных этапах его становления и развития), историко-системный (учреждение образования рассматривается как сложная система, на функционирование различных элементов которой оказывали влияние экономическая и национально-культурная политика Советской Беларуси), метод контент-анализа (были отмечены наиболее часто встречающиеся в документах смысловые конструкции, а затем произведена интерпретация результатов). Отмечается особая роль Минского Белорусского педагогического техникума в деле подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных работодателями республики, а также место учебного заведения в культурных и литературных процессах исследуемого периода. Подчеркивается, что, несмотря на сложности финансового и организационного характера, Минский Белорусский педагогический техникум был одним из ведущих гуманитарных учебных заведений своего времени. Учебное заведение являлось важным звеном в проведении государственной политики белорусизации. Изменение национального курса советских властей в конце 1920-х – 1930-е гг. отразилось на деятельности средних специальных педагогических учебных заведений Минска. Были ликвидированы многие положительные достижения белорусской культуры.

Ключевые слова: Минский Белорусский педагогический техникум, национально-культурное развитие, белорусизация, образование.

ФУНКЦІОНУВАННЯ МІНСЬКОГО БІЛОРУСЬКОГО ПЕДАГОГІЧНОГО ТЕХНІКУМУ В 1920-і рр. КРІЗЬ ПРИЗМУ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЇ ПОЛІТИКИ В РАДЯНСЬКІЙ БІЛОРУСІ

Казак Олег Геннадійович

кандидат історичних наук, викладач

Мінського міського педагогічного коледжу, м. Мінськ

У статті розглядається маловивчена в білоруській історіографії проблема підготовки педагогічних кадрів середньої ланки в Мінську в 1920-і рр. Проаналізовані вперше введені в науковий обіг матеріали Національного архіву Республіки Білорусь, мемуарна література. Мета статті – виявлення на основі вперше введених в науковий обіг документів сутнісних характеристик діяльності Мінського Білоруського педагогічного технікуму в контексті суспільно-політичного, соціально-економічного, національно-культурного життя БРСР 1920-х рр. У роботі були використані наступні методи: історико-генетичний (розглянуті особливості функціонування технікуму на різних етапах його становлення і розвитку), історико-системний (установа освіти розглядається як складна система, на функціонування різних елементів якої впливали економічна і національно-культурна політика Радянської Білорусі), метод контент-аналізу (були відзначені смислові конструкції, що найбільш часто зустрічалися в документах, а потім проведена інтерпретація результатів). Відзначається особлива роль Мінського Білоруського педагогічного технікуму в справі підготовки висококваліфікованих фахівців, затребуваних роботодавцями республіки, а також місце навчального закладу в культурних і літературних процесах досліджуваного періоду. Підкреслюється, що, незважаючи на складності фінансового та організаційного характеру, Мінський Білоруський педагогічний технікум був одним з провідних гуманітарних навчальних закладів свого часу. Навчальний заклад було важливою ланкою в проведенні державної політики білорусизації. Зміна національного курсу радянської влади в кінці 1920-х - 1930-ті рр. відбилася на діяльності середніх спеціальних педагогічних навчальних закладів Мінська. Було ліквідовано багато позитивних здобутків білоруської культури.

Ключові слова: Мінський Білоруський педагогічний технікум, національно-культурний розвиток, белорусизація, освіта.

Постановка проблеми. Важнейшим элементом новой системы образования, которая формировалась в 1920-е гг. в Советской Беларуси, стали педагогические средние специальные учебные заведения. Создание широкой сети средних специальных учебных заведений типа «техникум» и отведение им роли связующего звена между вузами и семилетними школами в условиях восстановления хозяйства было правильной мерой. В техникумах было можно быстрее, чем в вузе, решить проблему подготовки квалифицированных специалистов для учреждений образования. Кроме того, создание условий для работы техникумов было связано с меньшими материальными расходами [Каспярович, А. М., Каспярович, Н. У, 2009, с. 35].

Минский Белорусский педагогический техникум (далее – МБПТ) был одним из ведущих учебных заведений своего типа. В то же время, многие аспекты его деятельности, которая осуществлялась в тяжелых экономических и политических условиях, практически не известны не только массовому читателю, но и научному сообществу. Изучение истории становления системы педагогического образования Беларуси актуально в связи с потребностью в сохранении национальной культуры, творческом переосмыслении и приумножении традиций образования.

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме. На сегодняшний день не существует комплексных научных трудов, посвященных истории развития среднего специального педагогического образования в Минске. Некоторые сведения о функционировании МБПТ, о знаменитых выпускниках и преподавателях данного учебного заведения содержатся в коллективной монографии «Народное образование и педагогическая наука в Беларуси (1917–1945 гг.)», статьях А. Н. Касперовича и Н. В. Касперович, Л. В. Морякова. Авторы указанных работ анализировали общие тенденции общественно-политической и культурной жизни Советской Беларуси 1920-х гг. и не фокусировали внимание на деятельности МБПТ. Анализ архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, позволяет не только реконструировать историю зарождения среднего специального педагогического образования в Минске, но и дополнить общую картину национально-культурного строительства в БССР. Основу источниковой базы статьи составили документы Национального архива Республики Беларусь, в частности, фонды 4п («Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии») и 42 («Народный комиссариат просвещения БССР»).

Формулирование цели. Цель статьи – выявление на основе впервые введенных в научный оборот документов существенных характеристик деятельности МБПТ в контексте общественно-политической, социально-экономической, национально-культурной жизни БССР 1920-х гг.

Изложение основного материала исследова-

ния. МБПТ начал свою работу в октябре 1921 г. Учебное заведение располагалось в двухэтажном каменном здании по улице Захарьевской (с 1922 г. – ул. Советская), построенном в начале 1880-х гг. на средства государства для реального училища. В годы Первой мировой войны помещения пустовали, с осени 1918 г. в них проводились занятия Минского педагогического института, в 1920–1921 гг. – Института народного образования [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 64 об.].

Несмотря на то, что информация об открытии МБПТ не имела широкого распространения, наплыв слушателей был значительным. Всего в техникум было принято 352 человека, в абсолютном большинстве – дети крестьян. Национальный состав студентов был следующим – 302 белоруса, 47 евреев, двое русских, одна поляка [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 14]. В МБПТ поступали молодые люди со всех уездов БССР, некоторых уездов Гомельской губернии (входившей в то время в состав Советской России), несколько человек прибыли с территории Гродненщины (в то время входила в состав Польши) [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 64].

Состояние материальной базы молодого учебного заведения на протяжении 1920-х гг. оставалось крайне тяжелым. В краткой объяснительной записке, направленной дирекцией техникума в Народный комиссариат просвещения (далее – НКП) БССР 17 февраля 1923 г., отмечалось, в частности, «недостаточное оборудование мебели»: «Столы для преподавателей ветхие, имеющие видхлама и требующие замены на новые соответствующего типа. В канцелярии, преподавательской, библиотеке и читальне совершенно нет стульев, заменяющие их скамейки примитивной работы». В объяснительной записке подчеркивалась необходимость пополнения фондов библиотеки и материальной базы учебных кабинетов. Сообщалось также, что студенты получали стипендии не денежными знаками, а в виде продуктовых пайков (в январе 1923 г. – 150 пайков, в феврале – 170 пайков). Пайки распределялись «только между наиболее нуждающимися». Общежитие МБПТ было рассчитано на 60 человек, хотя нуждающихся было намного больше [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1449, л. 2–4].

Администрация техникума пыталась улучшить положение студентов. В декабре 1922 г. в Главное управление профессионального образования (далее – Главпрофобр) НКП БССР было направлено ходатайство о продлении каникул студентов. Обоснование просьбы было следующим: «Работа в техникуме начата с 25 августа, проходила она интенсивно при тяжелых условиях (в голоде и холоде), потребовала чрезмерной затраты сил как со стороны учащихся, так и преподавателей, поэтому более или менее продолжительный отдых является ныне жизненной потребностью. Отдых этот будет использован слушателями для пополнения сил, обновления одежды и для самостоятельной работы дома по подготовке к полугодовым зачетам.

Самостоятельная работа дома, в тепле, при лучшем питании, несомненно, даст лучшие результаты. Слушатели техникума в большинстве своем являются приезжими, многие – из отдаленных мест (Гомельская губерния). [Если не будет предоставлен отпуск], такие слушатели по-прежнему, как это имело место в последний месяц, будут изыскивать средства к существованию путем частных заработков на черной физической работе, срываясь с занятий и теряя часть своего отдыха» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 62–62 об.]. Ходатайство администрации МБПТ, однако, не было удовлетворено.

Ситуация принципиально не улучшилась и к концу 1920-х гг. Выступая на совещании при отделе пропаганды и агитации Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (далее – ЦК КП(б)Б) 19 мая 1928 г., преподаватель МБПТ Ю. Л. Долгополов отметил тяжелое материальное положение учебного заведения: «Я считаю, что прежде всего следует заострить внимание на материальной базе, на стипендиях студентов. Мы видели, что в прошлом году часть бедноты была вынуждена покинуть педтехникум по причине отсутствия стипендии, часто приходилось дробить стипендии. Вообще, расходы на педтехникум (хозяйство, отопление) такие мизерные, что, например, в марте уже у нас здание оставалось без отопления» [НАРБ, ф. 4п, оп. 1, д. 3521, л. 319–320]. Такое положение было характерно и для других педагогических техникумов Советской Беларуси, коих в 1927 г. насчитывалось 15. В аналитической записке инспектора педагогического образования Аниховского (1927 г.) содержались интересные сравнения материального положения педагогических техникумов и учительских семинарий времен Российской империи: «Бюджет педагогического техникума по сравнению с бюджетом старых учительских семинарий меньше на 46% без учета покупательской способности рубля. За три года бюджет не растет, а даже несколько уменьшается, одновременно происходит изменение внутри бюджета отдельных статей расходов. 86,1% всей сметы – зарплаты и материальное обеспечение учащихся, а на хозяйственно-административные и учебные нужды – 13,9%. На отопление отпущены средства по норме, но стоимость дров начислялась на 30% меньше фактической продажной цены. Учащиеся мерзли, здание охладевало. Сравнение абсолютной суммы, отпускаемой на одного учащегося в среднем в старых учительских семинариях, с суммой, которая приходится на одного учащегося в педтехникуме, подтверждает это. А ведь уровень педагогической работы в педтехникуме и ее сложность значительно превосходит учительские семинарии, а изношенность оборудования и поправка на разность валюты еще более понижает реальное значение расходов на учебную часть» [НАРБ, ф. 4п, оп. 1, д. 3521, л. 35–36].

Не менее остро стоял вопрос об обеспеченности студентов МБПТ общежитием. В отчете о деятельности техникума за 1921/1922 учебный год отмечалось: «Непомерная дороговизна квартир и особенность состава слушателей техникума,

включавшего преимущественно приезжих и малоимущих, выдвигает вопрос об общежитии». Нуждающихся в общежитии было намного больше, чем «вместимость комнат, отведенных в деревянном флигеле, в котором располагались и квартиры администрации». При этом руководство МБПТ подчеркивало особое «воспитательное значение» общежития, в котором «порядок и дисциплина должны поддерживаться самими проживающими, где, наконец, может осуществиться коллективный принцип» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 18 об.–19]. Обследование общежития 1928 г. выявило наличие все тех же проблем: «Отсутствие в общежитии мест, а в некоторых комнатах кроватей. Антисанитарные условия, грязь, теснота. Встречаются случаи, когда студенты спят вдвоем в одной кровати». Комиссия Центрального бюро пролетарского студенчества, которая проводила обследование, констатировала схожие условия жизни студентов в Могилевском медицинском техникуме, Витебском художественном техникуме и в других учебных заведениях [Гужалоўскі, 2017, с. 89–90]. В 1927 г. в газетах «Советская Белоруссия» и «Белорусская деревня» появились крайне критичные статьи об общежитии МБПТ. Редакциям изданий давал пояснения инспектор педагогического образования НКП БССР Синяков. В письме редакции газеты «Советская Белоруссия» Синяков сообщал, что в помещениях общежития проводился текущий ремонт за счет специальных средств, полученных после реализации продукции фермы при МБПТ. Отмечалось также, что из государственного бюджета выделялись средства на содержание 112 воспитанников общежития, в то время как там в действительности проживали 165 человек [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 232]. В редакцию газеты «Белорусская деревня» было направлено письмо, в котором содержалось опровержения сведений о якобы незаконном выселении из общежития студента первого курса А. Е. Кучара (в будущем – известный белорусский писатель, драматург и литературный критик). Как пояснял Синяков, дети служащих, к которым относился и А. Е. Кучар, могли претендовать на место в общежитии в порядке живой очереди. В тот учебный год до детей служащих очередь не дошла: место в общежитии получили четыре воспитанника детских домов, 11 рабочих, 13 учителей и 17 крестьян. Тем не менее, по сообщению Синякова, А. Е. Кучар самовольно, без разрешения администрации, занял место в общежитии. Инспектор с сожалением сообщал, что улучшить ситуацию с обеспечением мест в общежитии не представлялось возможным: «Мест теперь в общежитии техникума нет, нет и кроватей; студенты жалуются, что в общежитии очень тесно и учебой в таких условиях заниматься невозможно. Расширить площади общежития невозможно, на приобретение кроватей нет средств, потому что на содержание общежития выделяются средства только по числу студентов-стипендиатов» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 234].

Сложное материальное положение студентов, естественно, негативным образом сказывалось на

образовательном процессе. В 1924 г. студентка МБПТ В. Теличек вынуждена была на заседании комиссии Главпрофобр НКП БССР объяснять свою неявку на зачет: «Сдать зачет не могла, так как вынуждена была все время работать, чтобы заработать на кусок хлеба. При таком плохом положении учиться очень тяжело, это каждый знает. Отца у меня нет, мать совсем стара и часто болеет» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 166]. О непростых условиях учебы в техникуме и не всегда благожелательном отношении директора МБПТ Я. И. Василевича сообщал в Главпрофобр в июне 1923 г. студент второго курса Я. Драбина: «Отслужив в Красной Армии три месяца, я был командирован Политическим отделом 4 Дивизии в МБПТ для получения образования. Приемная комиссия зачислила меня на второй курс. Я оказался оторванным от какой-либо материальной помощи, приходилось не раз обращаться к директору учреждения Василевичу, который всегда отвечал мне: “Зачем же идти в школу учиться, если нет необходимых материальных средств или какой-либо другой поддержки из личного подворья”». Я. Драбина объяснял, что не смог сдать ряд зачетов именно по причине сложного материального положения. Главпрофобр ответил отказом на просьбу молодого человека восстановить его в МБПТ [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 126–126 об.].

Значительную часть студентов МБПТ составляли представители молодого поколения белорусской литературы. Они могли рассчитывать на помощь своих старших коллег по писательскому цеху. В этом плане показательным письмом председателя литературного объединения «Узвышша» Н. К. Романовского (псевд. Кузьма Чорны) в НКП БССР с просьбой зачислить в МБПТ молодого писателя К. П. Вышину (псевд. Лукаш Калюга): «Лукаш Калюга – интересный и самобытный литературный талант, крестьянин из д. Скворцы Койдановского района. [...] В Инбелкульте в прошлом году получил премию за письменную работу – анализ словаря С. М. Некрашевича и Н. Я. Бойкова. Окончил только Койдановскую семилетку и хочет обучаться далее. Но в педагогический техникум он в этом году принят не был из-за нехватки мест. “Узвышша” просит зачислить Вышину слушателем техникума, так как такими людьми нельзя разбрасываться, нельзя оставлять без образования выдающегося талантливого человека, преданного делу культурного работника» [НАРБ, ф. 42, Оп. 1, д. 1684, л. 388–388 об.]. В итоге молодой литератор был зачислен в техникум. Благоклонной оказалась судьба еще к одному молодому поэту – П. Ф. Глебке. В декабре 1925 г. молодой человек сообщал в письме Центральному бюро литературного объединения «Молодняк» о своем сложном материальном положении: «Не имея ни копейки денег, я почти четыре дня голодаю, и хорошо, если друзья дадут кусок хлеба. Такое положение, несмотря на большую тягу к знаниям, вынуждает меня покинуть техникум. [...] Надеюсь, что Центральное бюро обратит внимание на мое критическое положение и не даст оказаться снова в деревне, откуда я недавно

вырвался, стремясь к свету и науке» [БГАМЛИИ, ф. 225, оп. 1, д. 7, л. 2–2 об.]. Литературное объединение сумело оказать необходимую помощь своему талантливому участнику. Даже те студенты МБПТ, которые успели получить определенную известность в литературных кругах, вынуждены были искать себе подработку. Так, А. А. Каратай (псевд. Максим Лужанин) вспоминал, что вместе со своим другом, студентом МБПТ С. М. Середой (псевд. Сергей Дорожный), готовил к открытию Музей революции в Минске – набирал подписи к экспонатам. За свой скромный заработок (платили по одной копейке за слово) молодые люди покупали угощения и шли в студенческое общежитие «чаевать с товарищами» [БГАМЛИИ, ф. 140, оп. 2, д. 114, л. 13].

Желание студентов МБПТ преодолеть материальные сложности порой приводило к весьма печальным казусам. В октябре 1923 г. П. Курец в письме в Главпрофобр объяснял причины своего исключения из техникума. Молодой человек в сентябре 1923 г. возвращался на учебу в Минск из Хотенчицкой волости (на тот момент – территория Польши), где гостил у тетки. П. Курец вез с собой одну бутылку польского спирта, которую купил в деревне для того, чтобы преподнести хозяйке съемной квартиры. За это хозяйка обещала временно обеспечивать молодого человека бесплатным питанием. Милиционер, досмотревший П. Курца, обнаружил признаки контрабанды. Информация дошла до администрации техникума. Главпрофобр не удовлетворил ходатайство П. Курца об восстановлении в МБПТ. На решение чиновников не повлиял и тот факт, что молодой человек ради учебы в техникуме бросил родителей и переехал в Советскую Беларусь [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 154–154 об.]. Отчисления из техникума не были частыми. В основном радикальная мера воздействия применялась в отношении студентов, грубо нарушавших дисциплину. Так, в октябре 1923 г. были отчислены два студента. Выяснилось, что за И. Глушакова вступительные экзамены сдавал другой человек, нанятый за деньги. А. Чабан, которого командировал для поступления в МБПТ Мозырский отдел народного образования, скрыл факт возбужденного против него уголовного дела [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1200, л. 7].

На заседании педагогического совета МБПТ в декабре 1923 г. были приняты меры воздействия в отношении ряда студентов. Было вынесено предупреждение трем студентам, которые продемонстрировали на зачете слабое владение белорусским языком. В протоколе заседания содержалась следующая формулировка: «Предупредить следующих слушателей, что без знания белорусского языка они не будут выпущены из техникума и не станут учителями» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1204, л. 28]. Дело в том, что в то время начинался этап форсированной белорусизации, обучение переводилось на белорусский язык. Был лишен стипендии студент второго курса П. Гарбуз, который на лекции по немецкому языку играл на балалайке. Преподаватель белорусского языка Я. Ю. Лёсик, который работал также в Белорусском

государственном университете (далее – БГУ), отметил, что многих студентов МБПТ чаще видел в университете. Из этого наблюдения коллеги директор Я. И. Корневский сделал вывод: «Некоторые слушатели МБПТ не интересуются техникумом, несерьезно относятся к своим обязанностям, вносят разлад в жизнь техникума» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1204, л. 27–29]. С течением времени подобные случаи встречались реже. Позитивное влияние на работу МБПТ оказывали контакты с учебными заведениями аналогичного профиля. На заседании педагогического совета 30 августа 1928 г. заведующий учебной частью Ю. Л. Долгополов рассказал о ходе соцсоревнования МБПТ с Елецким педагогическим техникумом. По мнению педагога, оно оказывало «положительное влияние как на рабочую дисциплину, так и на увлеченность общественной работой, академическую успеваемость» [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1908, л. 4].

Большинство преподавателей МБПТ в 1920-е гг. параллельно работали в других образовательных и научных учреждениях, в частности, в БГУ, Институте белорусской культуры (далее – Инбелкульт). Большинство первых преподавателей МБПТ отличалось чрезвычайно высоким уровнем профессиональной подготовки. Так, белорусский язык преподавал Я. Ю. Лёсик (белорусский ученый и политический деятель, один из инициаторов создания Белорусской Народной Республики (далее – БНР)) [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 22]. В 1927 г. директор МБПТ М. А. Радевский давал Я. Ю. Лёсику следующую характеристику: «Преподаватель белорусского языка. Известный составитель белорусских грамматик, “спец” своего предмета, лекций не пропускает, по службе аккуратен, среди студентов и преподавателей пользуется авторитетом» [НАРБ, ф. 42, оп. 3, д. 360, л. 6]. Интересно, что в первые годы функционирования МБПТ занятия по зоологии вел еще один из «отцов-основателей» БНР, первый председатель Рады БНР Я. Н. Середа [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 78]. Эти факты свидетельствуют о том, что многие участники белорусского национального движения уже в начале 1920-х гг. рассматривали БССР как единственный центр культурной жизни белорусского народа. Лекции по белорусской литературе читал М. Н. Пиотухович – специалист по литературе славянских и западноевропейских народов, действительный член Инбелкульта. Занятия по всемирной истории проводил В. Н. Перцев – один из организаторов БГУ, основатель белорусской медиевистики [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 22]. Географ Н. В. Азбукин совмещал работу в техникуме с деятельностью в Научно-терминологической комиссии и Инбелкульте. В 1924 г. выходит учебник Н. В. Азбукина «География Европы». Раздел, посвященный Беларуси, был написан с национальных и патриотических позиций. При представлении тех или иных сюжетов автор считал необходимым подчеркивать положительные качества белорусов в сравнении с соседними народами (впрочем, в некоторых доводах было больше эмоциональности, чем научной взвешенности): «По сравнению с

москвичами и украинцами они являются наиболее чистыми славянами. [...] Язык белорусов содержит мало финских и татарских слов, да и по строению своего тела белорусы отличаются от москвичей большей чистотой славянского типа. [...] Большим богатством отличается вся белорусская народная поэзия, а белорусская народная лирика не имеет равных среди славянских лирик» [Король, 2019, с. 11]. Методику преподавания белорусского языка вел классик белорусской литературы К. М. Мицкевич (псевд. Якуб Колас). Выпускник МБПТ, известный белорусский литератор А. А. Каратай (псевд. Максим Лужанин) вспоминал, что Якуб Колас часто вместо лекций обсуждал со студентами свои только что созданные литературные произведения. При этом, по наблюдениям автора мемуаров, «из всех дисциплин студенты лучше всего знали методику языка, потому что учились любить сам язык, слыша ее живые примеры из уст поэта, его непосредственного создателя» [Лужанин, 1982, с. 6].

В образовательном процессе МБПТ, однако, имелись и негативные моменты. В 1920-е гг. Образовательный процесс строился согласно «Дальтон-плана» (учащиеся не связывались общей классной работой, им предоставлялась свобода в выборе занятий, очередности изучения отдельных предметов; учащиеся работали в предметных лабораториях, контроль проводился при помощи сложной системы учетных карточек). На заседании педагогического совета техникума 16 сентября 1926 г. директор М. А. Радевский подчеркнул необходимость корректировки работы учебного заведения. Отмечалась необходимость усиления контроля со стороны преподавателей: предлагалось давать студентам задания на месяц и проводить конференции, на которых студенты должны были представить результаты своей работы. Преподаватель алгебры и основ высшей математики А. П. Круталевич предлагал отказаться от использования «Дальтон-плана». Преподаватель педагогики Д. А. Сцепуро считал, что использование «Дальтон-плана» может быть эффективно, но не в условиях МБПТ, где остро стоял вопрос нехватки учебных пособий [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 39–39 об.]. Вопрос организации процесса обучения в техникуме обсуждался и на январском (1927 г.) заседании педагогического совета. К. М. Мицкевич (псевд. Якуб Колас) поделился своими наблюдениями о большой загруженности студентов: «Много времени уходит на написание конспектов, которые они (студенты – О. К.) учат целыми ночами». Директор М. А. Радевский посетовал на недостаточную активность предметных комиссий (проведение конференций не приобрело регулярный характер, не всегда вовремя разрабатывались дидактические задания). Представители студенчества техникума (студенты Гуло, Перегуд, Туровец, Ковель) жаловались на нехватку учебников, большие задания (особенно по химии), отсутствие обязательных для работы по «Дальтон-плану» вступительной и заключительной бесед с преподавателями [НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 114–117]. Опыт организации учебного процесса согласно «Дальтон-плана» в МБПТ был детально

проаналізований в ході республіканського совещання працівників педагогічних технікумів, яке відбулося в Мінську в 1929 г. По результатам совещання було прийнято рішення відмовитися від «Дальтон-плану» і будувати роботу по класно-лекційній системі, використовувати активні методи і форми організації роботи [Рэзалюцыя аб агульным становішчы, 1929, с. 83]. На цьому ж совещанні було обговорено порядок організації педагогічної практики в МБПТ, який рекомендувався в якості зразка для інших навчальних закладів. На другому курсі учасники знайомилися з основними типами установ освіти, а також з організацією і структурою роботи піонерського відряду. Влітні канікули (після другого курсу) учасники проходили самостійний практикум в піонерських відрядах і піонерських таборах республіки. Трьохкурсники проходили практику в школі при технікумі. Крім загального ознайомлення з процесом навчання передбачалося проведення учасниками однієї – двох лекцій по одній з методик. Учасники четвертого курсу повинні були оволодіти на практиці прийомами і методами роботи в школі [Рэзалюцыя па дакладу, 1929, с. 78–81].

В 1930 г. органами Державного політичного управління при Центральному виконавчому комітеті БССР було сфабриковано справа «Союзу звільнення Білорусі» (несуществующая організація, «учасникам» якої інкримінувалися спроби створення незалежної Білорусі). Цей процес поклали початок масовим репресіям, пік яких прийде на 1937 г. Починається боротьба з «перегибами» в проведенні білорусизації. В пресі була травля представників білоруської інтелігенції, обвинувачених в «націонал-демократизмі» (серед них були і викладачі МБПТ). Багато «обличителів» через деякий час самі потрапляють в жорстоку репресію. Один з засновників Радянської Білорусі Д. Ф. Жилунович на сторінках видання НКП БССР так характеризував викладацьку діяльність Я. Ю. Лёсика: «На цьому поприщі (вчительство) Лёсик волею націонал-опортуністів став незамінним людиною. Язикознавство було повністю віддано в його монополію. Ніхто не забороняв йому робити екскурсії в історію і національний питання. На це Лёсик більше всього звертав увагу в своїй викладацькій діяльності в 1921 г., 1922 г. і 1923 г. Пізніше він став віддавати пріоритет языкознавству, яким ще, думав він, можна було замаскувати свою антиреволюційну діяльність. А поки ніхто з тих, хто повинен був стримувати обнаглевшого радівця (Я. Ю. Лёсик був головою Ради БНР в 1918 г. – О. К.), цим не цікавився. І Лёсик давав простір своїм контрреволюційним здібностям. Викладаючи на лекторсько-інструкторських курсах весною 1921 г., Лёсик давав курсантам наступну тему: “Як я познав себе білорусином”. Це було зондування ґрунту серед вчительства. Лёсик називав це ісповіддю: “На курсах було 80 осіб, деякі роботи не зробили і таким чином відмовилися від ісповіді”» [Жылунович, 1930, с. 26].

Випускник МБПТ А. Е. Адамович, який проходив по справі «Союзу звільнення Білорусі», в 1931 г. був висланий в Глазов (сьогодні – місто на півночі Удмуртської області Росії), в 1934 г. переведений в Киров (Вятку), де працював вчителем. В кінці грудня 1935 г., коли термін перебування в Кирові був продовжений на два роки, А. Е. Адамович написав «автобіографію», проникнуту духом покаятися і визнання «глибочайшої наукової обґрунтованості і правильності ленинсько-сталінської національної політики». Очевидно, поява цієї автобіографії була викликана бажанням А. Е. Адамовича отримати можливість займатися викладацькою діяльністю [Запартыка, 2011, с. 194–196]. А. Е. Адамович оспарював присвоєний статус МБПТ як «кузніці літературних кадрів» і називав технікум «кузницею націоналістических кадрів»: «Білоруських літераторів з МБПТ вийшло, в кінці кінців, не так уже багато, але національно-свідомими або несвідомими фактично – можна сміливо сказати – виходили всі або майже всі, за малим винятком, в ті роки». Атмосферу на заняттях в МБПТ А. Е. Адамович описав наступним чином: «На уроках мови нам говорили, що білоруська мова – найдавніша, найчистіша і найприємливіша, що Білорусь повністю може існувати як самостійне географічне, економічне і державне ціле. На уроках історії в сумних кольорах малювалося минуле країни, всіляко угнетаної сусідами з заходу і особливо з сходу, і яскравими кольорами малювалося щасливе майбутнє самостійної, незалежної Білорусі. На уроках літератури показувалося славне минуле білоруської письменності, появившеся раніше, ніж у сусідів і в рукописній, і в друкованій формі (знаменитий нащадковий “святий”, піонер книгодрукування Франціск Скорина), і також малювалися найбагатші перспективи літературного майбутнього, в якому білоруська література повинна стати вище всіх існуючих і існуючих літератур. [...] Ясно отже, яке виховання отримували і отримували всі ми, вихованці МБПТ, яких сам Лёсик як-то називав майбутніми апостолами білоруської справи. І апостоли, звичайно, в більшості випадків виходили повністю гідними своїх вероучителів». Не згадував А. Е. Адамович і про свою «подривну» роль в діяльності МБПТ: «Я ж, будучи в той час головою літературного кола технікума (між іншим, самого масового з усіх кілків технікума), перетворив його в трибуну для пропаганди як своїх друзів, так і ненавидімої мені літературної течії (“Узвышша”)» [БГАМЛІИ, ф. 569, оп. 1, д. 7, л. 4–8]. Цікаво, що «автобіографія» А. Е. Адамовича в архівному справі має додатки – аноніми «характеристики», написані різними «авторами», які були призначені до нього після його повернення в Мінськ (1938 г.). Ці характеристики були написані вже після війни, приблизно в 1947–1948 гг. [Запартыка, 2011, с. 194]. Автор однієї з них, по всій видимості, добре знав А. Е. Адамовича в період його навчання в МБПТ,

отмечал, что в то время среди молодежи господствовал навязанный преподавателями «культ прошлого», «вышитой одежды», «существовавших и вымышленных героев», «отрицания всего русского». А. Е. Адамовича анонимный автор называл «крайне нетерпимым и непримиримым шовинистом»: «он обрывал студентов на лекциях за малейший дефект языка, он кричал о том, что комсомольская ячейка – это позорище техникума, так как резолюция пишущая неграмотно по-белорусски» [БГАМЛиИ, ф. 569, оп. 1, д. 7, л. 93]. Данные документы, не лишённые фактологических ошибок, банальных оговоров, тем не менее, хорошо передают атмосферу взаимной подозрительности, доносов на близких в недавнем прошлом людей, характерную для советского общества 1930-х – 1940-х гг.

Сворачивание политики белорусизации, репрессии властей по отношению к «национал-демократам» в 1930-е гг. больно ударили по МБПТ. Репрессиям подвергались представители преподавательского состава, студенты (прежде всего – литераторы), выпускники техникума. Так, были арестованы и позже расстреляны (либо умерли в заключении) четыре из шести директоров учебного заведения: Я. И. Василевич (историк, археолог, публицист), Я. И. Корневский (учёный-педагог, ректор БГУ в 1929–1931 гг.), М. А. Радевский, А. Н. Чучко [Маракоў, 2004, с. 3–4]. МБПТ постепенно стал терять статус одного из ведущих учебных заведений Советской Беларуси и концентрировался исключительно на подготовке педагогических работников среднего звена. В апреле 1937 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров БССР и ЦК КП(б)Б педагогические техникумы (в том числе МБПТ) были

переименованы в педагогические училища. В пояснении отмечалось, что данные учебные заведения не ставили перед собой задачи дать учащимся техническое образование [Сянькевіч, 1993, с. 399].

Выводы исследования. Таким образом, МБПТ в 1920-е гг. занимал достойное место в системе подготовки педагогических кадров. Несмотря на непростое материальное положение, данное учебное заведение обеспечивало квалифицированными специалистами школы, располагавшиеся в различных регионах Советской Беларуси. Практические и методологические наработки преподавательского состава МБПТ заложили основу для дальнейшего развития педагогического образования в Минске в последующие десятилетия. Учебное заведение являлось крупным культурным центром, давшим дорогу в жизнь целой плеяде талантливых белорусских писателей. Большинство преподавателей понимало важность возрождения белорусской национальной культуры и старались привить это понимание своим ученикам.

В то же время в деятельности техникума имели место и негативные моменты: нехватка учебников, низкая мотивация отдельных преподавателей и студентов. Не все методики, применяемые в МБПТ, прошли проверку временем. Волна репрессий, развернувшаяся в начале 1930-х гг., свела на нет многие достижения культурного строительства в Советской Беларуси.

Перспективы дальнейшего изучения данной проблемы видятся в сопоставлении и сравнении ключевых особенностей функционирования МБПТ и заведений аналогичного профиля в других советских республиках (в частности, РСФСР и УССР).

Список использованных источников

- Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛиИ), ф. 140, оп. 2, д. 114, л. 1–13.
 БГАМЛиИ, ф. 225, оп. 1, д. 7, л. 1–2 об.
 БГАМЛиИ, ф. 569, оп. 1, д. 7, л. 1–92.
 БГАМЛиИ, ф. 569, оп. 1, д. 7, л. 93–94.
 Гужалоўскі, А. А., 2017. *Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.*, Мінск, 258 с.
 Жылуновіч, З., 1930. Нацыянал-дэмакраты за «працай», *Асвета*, № 12, с. 26–82.
 Запартыка, Г., 2011. Асабісты архіўны фонд Антона Адамовіча ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва, *Пра час «Узвышша»: матэрыялы Узвышшаўскіх чытанняў (2008–2010)*, Мінск, с. 194–201.
 Каспяровіч, А. М., Каспяровіч, Н. У., 2009. Развіццё свярэдняй спецыяльнай педагагічнай адукацыі ў Савецкай Беларусі ў 20-х гг. XX стагоддзя, *Педагогическое образование и наука: история и современность*, Минск, с. 35–36.
 Король, А. Д., 2019. *Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)*, Минск, 335 с.
 Лужанін, М., 1982. *Сустрэчы*, Мінск, 109 с.
 Маракоў, Л., 2004. *Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991: Энцыклапедычны даведнік*, т. 3, кн. 1, Мінск, 534 с.
 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4п, оп. 1, д. 3521, л. 32–50.
 НАРБ, ф. 4п, оп. 1, д. 3521, л. 319–323.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1200, л. 6–22.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1204, л. 27–29 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 14–20.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 22–23.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 62–62 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 64–83.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 126–126 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 154–154 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1430, л. 160–172.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1449, л. 2–4 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1684, л. 388–389 об.

- НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 37–40.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 113–117 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 232.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1888, л. 234.
 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1908, л. 4–5 об.
 НАРБ, ф. 42, оп. 3, д. 360, л. 6–8.
 Рэзалюцыя аб агульным становішчы і метадах арганізацыі педагагічнай асветы, 1929, *Асвета*, № 1, с. 81–84.
 Рэзалюцыя па дакладу аб сістэме педпрактыкуму ў педтэхнікуме, 1929, *Асвета*, № 1, с. 78–80.
 Сянькевіч, Г. Р., 1993. *Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945 гг.)*, Мінск, 495 с.

References

- Belorusskij gosudarstvennyj arhiv-muzej literatury i iskusstva (BGAMLi) [Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art – BSAMLA], f. 140, op. 2, d. 114, l. 1–13 (in Belarusian).
 BGAMLi [BSAMLA], f. 225, op. 1, d. 7, l. 1–2 об. (in Belarusian).
 BGAMLi [BSAMLA], f. 569, op. 1, d. 7, l. 1–92 (in Belarusian).
 BGAMLi [BSAMLA], f. 569, op. 1, d. 7, l. 93–94 (in Belarusian).
 Guzhalouski, A. A., 2017, *Seksual'naja revaljucyja u Savjeckaj Bjelarusi: 1917–1929 gg.* [Sexual revolution in Soviet Belarus], Minsk, 258 s. (in Belarusian).
 Zhylunovich, Z., 1930. Nacyjanal-demakraty za «pracaj» [National Democrats at work], *Asvjeta*, № 12, s. 26–82 (in Belarusian).
 Zapartyka, G., 2011. Asabisty arhiuny fond Antona Adamovicha u Bjelaruskim dzjarzhaunym arhivje-muzeji litaratury i mastactva [The personal archive fund of Anton Adamovich in the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art], *Pra chas «Uzvysshsa»: materyjaly Uzvyshauskih chytannjau (2008–2010)*, Minsk, s. 194–201 (in Belarusian).
 Kaspjarovich, A. M., Kaspjarovich, N. U., 2009. Razviccjo sjarednjaj spjeczjal'naj pjedagagichnaj adukacyi u Savjeckaj Bjelarusi u 20-h gg. XX stagoddzja [The development of secondary specialized teacher education in Soviet Belarus in the 20s of the XX century], *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka: istorija i sovremennost'*, Minsk, s. 35–36 (in Belarusian).
 Korol', A. D., 2019, *Intellektual'naja jelita Belarusi. Osnovopolozhniki belorusskoj nauki i vysshego obrazovanija (1919–1961)* [The intellectual elite of Belarus. The Founders of Belarusian science and higher education (1919–1961)], Minsk, 335 s. (in Russian).
 Luzhanin, M., 1982. Sustrechy [Gatherings], Minsk, 109 s. (in Belarusian).
 Marakou, L., 2004, *Represavanyja litaratary, navukowcy, rabotniki asvjety, gramadskija i kul'turnyja dzjejachy Bjelarusi. 1794–1991: Encyklapjedychny davjednik* [Repressed literary men, scientists, educators and cultural figures of Belarus. 1794–1991: Encyclopedic Reference], t. 3, kn. 1, Minsk, 534 s. (in Belarusian).
 Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus – NARB], f. 4p, op. 1, d. 3521, l. 32–50 (in Belarusian).
 NARB, f. 4p, op. 1, d. 3521, l. 319–323 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1200, l. 6–22 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1204, l. 27–29 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 14–20 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 22 – 23 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 62–62 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 64–83 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 126–126 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 154–154 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1430, l. 160–172 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1449, l. 2–4 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1684, l. 388–389 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1888, l. 37–40 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1888, l. 113–117 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1888, l. 232 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1888, l. 234 (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 1, d. 1908, l. 4–5 об. (in Belarusian).
 NARB, f. 42, op. 3, d. 360, l. 6–8 (in Belarusian).
 Rezaljucyja ab agul'nym stanovishchy i mjetadah arganizacyi pjedagagichnaj asvjety [Resolution on the general situation and methods of the organizing teacher education], 1929, *Asvjeta*, № 1, s. 81–84 (in Belarusian).
 Rezaljucyja pa dakladu ab sistemje pjedpraktykumu w pjedtehnikumje [Resolution on the report on the system of pedagogical practice in the pedagogical college], 1929, *Asvjeta*, № 1, s. 78–80 (in Belarusian).
 Sjan'kjevich, G.R., 1993. *NarodnaJa adukacyja i pjedagagichnaja navuka u Bjelarusi (1917–1945 gg.)* [Public education and pedagogical science in Belarus (1917–1945)], Minsk, 495 s. (in Belarusian).

SUMMARY

**THE FUNCTIONING OF THE MINSK BELARUSIAN PEDAGOGICAL COLLEGE
IN THE 1920S THROUGH THE PRISM OF NATIONAL-CULTURAL POLICY IN
SOVIET BELARUS**

Oleg Kazak

Candidate of Historical Sciences,
teacher of the Minsk City Pedagogical College, Minsk

The article examines the problem of training middle-level teaching staff in Minsk in the 1920s, poorly understood in Belarusian historiography. The materials of the National Archives of the Republic of Belarus, memoirs, first introduced into scientific circulation, are analyzed. The purpose of the article is to identify on the basis of documents introduced for the first time in the scientific circulation the essential characteristics of the activities of the Minsk Belarusian Pedagogical College in the context of socio-political, socio-economic, national and cultural life of the BSSR of the 1920s. The following methods were used in the work: historical-genetic (the features of the functioning of the technical school are considered at various stages of its formation and development), historical-systemic (the educational institution is considered as a complex system, the functioning of various elements of which was influenced by the economic and national-cultural policy of Soviet Belarus), a method of content analysis (the most frequent semantic constructions in the documents were noted, and then the results were interpreted). The special role of the Minsk Belarusian Pedagogical College is noted in the training of highly qualified specialists demanded by the employers of the republic, as well as the place of the educational institution in the cultural and literary processes of the studied period. It is emphasized that, despite the difficulties of a financial and organizational nature, the Minsk Belarusian Pedagogical College was one of the leading humanitarian educational institutions of its time. The educational institution was an important link in the implementation of the state policy of Belarusization. Changes in the national course of the Soviet authorities in the late 1920s–1930s affected the activities of secondary specialized pedagogical educational institutions of Minsk. Many positive achievements of the Belarusian culture were eliminated.

Keywords: Minsk Belarusian Pedagogical College, national-cultural development, Belarusianization, education.